

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ГДЕ МЫ ПОСМЕЛИ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ...

* * *

За пустырьём, за жёлтым донником,
За клёнами, за ивами
Ночь воздымается над домиком,
Где мы посмели быть счастливыми.
И небо — словно до креста ещё —
Горит звездами частыми
Над нашим маленьким пристанищем,
Где мы посмели быть несчастными.
Пирует жизнь с её приливами,
С её утратами несметными,
Где мы посмели быть счастливыми,
Несчастными — и даже смертными.

* * *

Ты знаешь, как хочется нам красоты.
Ты видишь, насколько она невозможна!
Нахлынувший сумрак стирает черты,
Когда из дубовых дверей осторожно

ЯГОДИНЦЕВА Нина родилась в Магнитогорске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. Бажова. В журнале "Наш современник" печатается впервые.

Выходят под розовый свет фонарей,
На пенье тишайшего снежного хора
Женщины в шкурах убитых зверей,
В сырых бриллиантах, в цепях из фарфора.

О, как драгоценная их суета
Хрустит под ногами, слепые осколки
Впивая в подошвы... Но полночь не та,
И небо линяет, и в городе волки.

Их стая черна, и черны вожаки,
Их жажда с амвона гнусаво воспета.
Свирепые джипы вонзают клыки
В горячую, спелую мякоть проспекта,

И сразу за ними смыкается тьма,
Где еле видны из-за снега и дыма
Два тусклых, расплывчато-красных пятна,
Палаящих, но тающих неотвратимо.

* * *

До Покрова в печальном золоте,
А после — в нежном серебре...
Любимый, может быть, Вы вспомните,
Что мы встречались на земле.
Аллеями мы бродим дымными
И рассуждаем о судьбе,
А тени зыбкими долинами
Блуждают сами по себе.
И что там с нами — горе, смута ли, —
Нам не видать издалека.
Гадалки карты перепутали
На розах русского платка,
И на морозной людной паперти,
Где крохи делят со стола,
Я образок последней памяти
У Ваших ног подобрала...
Любимый, непременно вспомните,
Что мы встречались на земле:
До Покрова в печальном золоте,
А после — в нежном серебре.

* * *

Из рабочих предместий, осеннённых пургой,
Я к тебе, моя радость, теперь ни ногой.
Я не выбегу в холод, в разметавшийся свет.
Здесь трамваи не ходят — электричества нет.
Сколько снежного вздора нанесло невпопад!
По пустым коридорам птицы-совы летят,
А когда по привычке достаёшь коробок —
Расползаются спички, как змеинный клубок.
Сквозь совиные очи, что во мраке горят,
Коридорами ночи я иду наугад
И почти уже верю в этот бред наяву:
Где-то здесь мои двери, где-то здесь я живу...

* * *

Мне видится, как будто снится,
Знакомое давным-давно:
Старушки раскупают ситцы,
И макароны, и пшено.
Рубли измятые считая,
Едва губами шелестят,
Потом снимаются, как стая,
И ввысь над городом летят.
Летят над серыми домами,
Над чёрным заводским прудом,
Отягощёнными крылами
На воздух опершись с трудом.
Они кружат нестройным хором
Под белой бездною небес,
Бессвязным птичьим разговором
Тревожа жителей окрест.

* * *

Я снова дышу над бегучей водой
Железом и смертью своей молодой.
И снова ложатся на краешки век
Седая окалина, розовый снег.
Я выросла здесь, среди горьких дымов,
В слепых коммуналках убогих домов,
И звонкие сказки о царстве огня
Любви и надежде учили меня.
Мой город, мой грозный и зыбкий мираж,
Я знаю — ты юность мою не отдашь,
Но медленно тают крытые дымы
В бесшумных волнах набегающей тьмы,
И, воздух угрюмый пронзая с трудом,
Звезда проступает над сонным прудом.

* * *

На том берегу Юрюзани,
Словно уже на небе,
Избы стоят высоко.

Мостиков в три дощечки,
Тропкой по косогору —
Разве туда взберёшься?

Речка бежит и плачет
К морю, как будто к маме, —
Сбиты её коленки.

Платьице пенит ветер,
Выгоревшие прядки
К мокрым щекам прилипли.

Смотришь так отрешённо,
Словно душа узнала,
Куда ей потом вернуться.

* * *

В деревне царь — пожар: нахлынут ветры с гор —
Узорчатым шатром взвивается костёр!

А дерево черно — серебряную чернь
В предчувствии огня не удержать ничем.

Морщинистым рукам забытых миром вдов
У грозного царя не вымолить свой кров.

С покорных на Руси всегда берут вдвойне —
В миру и на войне, в воде или в огне.

Старухи голосят, и колокол, гудя,
Взывает к небесам о воинстве дождя,

Но тучи за хребтом, и небу тяжело
Ташить по гребням скал свинцовое крыло.

Битком набив мешки, оставив белый прах,
Пожар уходит вдаль на взмыленных ветрах.

И колокольный звон баюкает враспев
Тяжёлый бабий вой, бессильный древний гнев,

И падает река с уступа на уступ,
Облизывая соль с горячих горьких губ.

* * *

Как наивно тоска называет себя тоскою!
Это чувство похоже на ощущение те,
Что дитя вызывает, едва поведя рукою
В материнской утробе, в ласкающей темноте.

Что я знаю о нём, о томительном этом жесте
Сонной плоти в жемчужных глубинах вод?
Лишь одно: я в тоске тону, как в блаженстве,
Покуда жизнь по жилам моим плывёт.

Что-то медленно зреет во мне, как в яблоке солнце,
Как в чёрном семечке — зелёная высота.
Я глаза подниму — и небо, смеясь, коснётся
Своего округлого, тёплого живота...

* * *

Оплывает апрель, подсыхает слюда на губах.
Собираются “мерсы” на Пасху в шикарный кабак.

Словно Божии птицы слетаются к щедрой руке:
Под блестящей бронёю живая душа налегке.

Ветер плещет волнами, секьюрити шепчет в трубу.
Ослепительно пусто сегодня в Господнем гробу,

Оглушительна музыка и разноцветны цветы,
Любопытное солнце стоит у закатной черты.

Все мы будем одним — все мы будем рассветным огнём,
Даже если сейчас ничего и не знаем о нём.

Ровно в полночь, покорная судному гласу трубы,
Расцветает броня, и моторы встают на дыбы.

То ли звёзды уходят от нас в непроглядную тьму,
То ли небо, как свиток, уже не свернуть никому.

Но осталось ладонями пламя с земли соскрести,
Повторяя бесслѐзно: “воскресе”, “люблю” и “прости”...

Н. Я., С ЛЮБОВЬЮ

Мы жили в палатке...
Борис Ручѐв

Игра никогда не начнётся сначала.
Нам было так трудно, нас было так мало —
Но сонного утра туманная гладь
Опять расступалась пред нами: играть.
Лихая забава: со смертью — навскидку!
Мы все предпочли недостаток избытку,
Чтоб нечего было в груди избывать,
Когда наступает пора забывать.

Игра никогда не начнётся по новой:
Мир шит окровавленной ниткой суровой,
И каждый шажок — от стежка до стежка —
Царапает ласково исподтишка.
Харон отдыхает: водою забвенья
Мы были умыты за миг до рожденья,
И светят нам в спины не рай и не ад,
А белые лампы родильных палат.

Сначала игра никогда не начнётся:
Убитый, влюблённый, хмельной — не очнётся.
Харон отдыхает: мы помним о том,
Что с нами случилось сейчас и потом.
Всею бездною выбора: быть ли нам, или... —
Мы пели, рыдали, клялись и любили,
И всё это будет звенеть у виска:
Сначала игра не начнётся — пока

Мы живы, мы умерли, мы позабыты,
Над нами лежат вековые граниты,
Под нами летят и летят облака...
Сначала игра не начнётся — пока
Не кончатся буквы у Господа Бога,
Пока нас не станет обманчиво много,
Пока мы не скажем друг другу: пора! —
Тогда и начнётся другая игра.